

Личность в контексте культуры

Арон Гуревич

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ: РЕАЛЬНАЯ ИЛИ ЛОЖНАЯ ПРОБЛЕМА?*

***

Соотношение персоны, индивидуума и личности
Persona

Что в интересующую нас эпоху подразумевалось под термином «личность»?

В Античности слово persona означало преимущественно театральную маску: актёры скрывали свои лица под характерными личинами. С переходом к средневековью термин persona переживает трансформацию. Нередко он прилагался к знатному или влиятельному человеку. В философских сочинениях «персоной» называли «наиболее совершенное в природе», и эта формула была настолько устойчивой, что мы найдем ее и у Боэция в VI, и у Фомы Аквинского в XIII веке.

Но самое совершенное богословы и философы должны были искать не на уровне человеческого, а обращаясь к сущности божества. В центре внимания этих мыслителей был не человек, а Бог с его триединой природой — Отца, Сына и Духа Святого.

Individuum

Другой термин, который мог бы нас в этой связи заинтересовать, это individuum. Однако понятие «индивиду-

* Окончание. Начало: Развитие личности. 2003. № 1. С. 24—31.

ум» в схоластических философских трактатах прилагалось не только, а подчас и не столько к человеку, — оно могло обозначать самые разные феномены.

Теологи размышляли не о человеке, а о Боге

Возникает вопрос: можно ли посредством анализа терминологии философско-теологических трактатов приблизиться к понятию человеческой индивидуальности? В 1994 году в Кёльне состоялся научный конгресс, посвященный проблеме индивида и личности на средневековом Западе [1]. В большинстве докладов самым тщательным образом проанализированы тексты многих средневековых схоластов, содержащие указанные понятия. Результат всех этих усилий — мы едва ли узнали нечто новое о человеке средневековья (исключая немногие штудии, в которых анализируются памятники искусства той эпохи). Причина этой неудачи ясна. Как уже сказано, теологи размышляют не о человеке, а о Боге. Сфера их размышлений слишком возвышенна для того, чтобы позволить запятнать себя чем-то человеческим, «слишком человеческим».

Назидательные при- меры сочинений «второго эшелона»

Если историк хочет приблизиться к человеческой личности той эпохи, то ему надобно изменить угол зрения и расширить круг исторических источников. Между тем априори очевидно, что и при этом историку придется иметь дело с текстами, почти без исключения созданными духовными лицами. Но если великие богословы и схоласты обращались преимущественно или исключительно к себе подобным, к образованным экспертам, пренебрегая безмолвствующей паствой, коей их ученые трактаты были недоступны, то к этой массе невежественных простецов обращались приходские священники, странствующие проповедники, монахи нищенствующих орденов. Большая часть их поучений не могла дойти до нас, не будучи зафиксирована на пергамене или бумаге, но кое-что — и отнюдь не так уж мало — сохранилось. Ученые XIX и начала XX в. не придавали большого значения этим поучениям, проповедям и сборникам назидательных «примеров» (*exempla*), очевидно, потому, что не надеялись обнаружить в такого рода расхожих текстах высокую и рафинированную богословскую мысль. Но зато именно в этих сочинениях «второго эшелона» церковно-монастырской словесности мы вправе рассчитывать на то, что в них хотя бы в качестве слабого эха можно расслышать голоса широкой и разношерстной аудитории, к которой обращались проповедники. Между пастырем и его аудиторией неизбежно устанавливалась «обратная связь». Нельзя ли умозаключить из того репертуара тем и сюжетов, о коих разглагольствовал монах или священник, каковы были мысли и чувства его слушателей, каковы были волновавшие их мотивы?

- Умонастроения простолудинов средневековья
- В XIII веке возникают нищенствующие ордена францисканцев и доминиканцев. Их монахи не замыкаются за стенами монастырей, но идут в народ, в города и деревни, вступая в тесный контакт с их населением и, несомненно, куда лучше понимая умонастроения простолудинов, нежели схоластические доктора.
- Прорыв к пониманию человеческой личности
- Изучение проповедей привело меня к заключению, которое на первый взгляд может показаться парадоксальным. Ибо именно на этом уровне расхожего богословия мы становимся свидетелями прорыва к пониманию человеческой личности. На этом вопросе я хотел бы задержаться несколько подробнее.
- Проповеди Бертольда из Регенсбурга
- Одним из наиболее активных и красноречивых проповедников XIII века был немецкий францисканец Бертольд из Регенсбурга. Он проповедовал в Германии и за ее пределами. Речи его привлекали, по свидетельству современников, массы народа, на которые они производили огромное впечатление. Секрет успеха состоял, по видимому, прежде всего, в том, что Бертольд строил свою проповедь как непринужденную беседу, легко доступную пониманию невежественных людей. Пытаясь внушить им истины христианства, он апеллировал к повседневному опыту своих слушателей. Общим правилом было начинать проповедь с толкования какого-либо библейского или евангельского текста, а затем строить соответствующие поучения, опираясь на фонд знаний и представлений верующих. Проповеди Бертольда были весьма пространными, но, в отличие от поучений многих других монахов, не ослабляли внимание прихожан. Он, несомненно, был не только превосходным оратором, но и проникновенным психологом. Одним из приемов, к которым прибегал Бертольд, было то, что время от времени он прерывал свою речь вопросами, которые якобы задавали ему его слушатели. В результате его речи теряли свою монологичность и принимали форму живого диалога. Бертольд как бы выхватывал из стоявшей перед ним толпы одно-единственное лицо, с которым и вел беседу. Перед ним была не толпа, не безликая масса, но собрание индивидов.
- Интерпретация притчи о талантах
- Для одной из своих проповедей Бертольд избрал евангельскую притчу о талантах (Матф. 25:14–30). Он намерен раскрыть ее содержание. Но при этом первоначальный смысл притчи коренным образом изменяется. В устах Христа речь идет о собственнике, который, отъезжая из своих владений, раздает рабам на хранение золотые слитки — таланты, а по возвращении требует от них отчета, как каждый из них распорядился своим талантом. Облик рабов никак не раскрывается; имеется в виду лишь способ употребления ими богатства.
- Первый дар — наша persona: душа и тело
- Совершенно иная картина рисуется в проповеди Бертольда. *Господь*, говорит он, *наградил каждого из нас пятью талантами или дара-*

ми («фунтами»). *Первый дар* — наша собственная персона (*persona*). Как расшифровать в данном контексте этот средневерхне-немецкий термин, пока не ясно, и я возвращусь к этому вопросу ниже. Тем не менее понятно, что первый из даров Творца — это душа и тело каждого человека. Мы должны их блюсти, избегая греха, говорит проповедник, и в последний час нашей жизни возвратить этот дар Господу.

Второй дар — социальное служение

Второй дар заключается в должности, социальном служении, правовом статусе, профессии индивида. Каждому надлежит пребывать в своей должности (*amt*), исполняя ее наилучшим образом. Все эти рассуждения развернуты Бертольдом в широкую панораму социальной жизни Германии того времени. Здесь фигурируют крестьяне и господа, ремесленники и судьи, короли и подданные.

Третий дар — собственность

Третий дар — имущество, богатство, собственность (*guot*), коими обладает тот или иной индивид, поскольку он — не более, нежели управитель врученного ему имущества, то он должен его приумножать и в наилучшем виде возвратить истинному хозяину — Господу. Кого Бертольд имеет здесь в виду? Опять-таки бюргеров, ремесленников, купцов и крестьян, т.е. преимущественно мелких хозяев и собственников.

Четвертый дар — время жизни

Следующий дар — время (*zhit*) нашей жизни, которым следует распорядиться разумно и бережно, т.е. трудиться и заботиться о спасении души.

Пятый дар — любовь к ближнему

И, наконец, последний дар — любовь к ближнему, то, что мы теперь называли бы социальностью индивида. В высшей степени показательна интерпретация этого «дара». По своему обыкновению Бертольд прерывает проповедь вопросом, с которым якобы обращается к нему один из присутствующих: «Брат Бертольд, вот ты говоришь о любви к ближнему, но я — бедный человек, лишенный даже дрянного плаща. А у тебя наверняка несколько добротных плащей. согласишься ли ты уступить мне один из них?» Бертольд в ответ: «Да, у меня есть два плаща. Но я тебе ничего не дам. Что значит любить ближнего? Это значит: желать ему того же, что и самому себе: себе желаешь Царствия Небесного, пожелай и ближнему». Нетрудно видеть, сколь радикально наш проповедник отходит от евангельского призыва поделиться с бедняком последней рубашкой. Приходится предположить, что сам он этого противоречия не замечает, — настолько его сознание впитало в себя новые ценности и принципы, коими на практике руководствовались собственники в XIII веке [2].

Интерпретация этого уникального текста, уникального не только в проповеди, но и во всей средневековой словесности, по моему убеждению, может приблизить нас к пониманию того, какое содержание вкладывалось в понятие *persona* во времена Бертольда Регенсбургского.

- В основе персоны — **Мне кажется несомненным, что пять «даров», о которых толкует**
человеческий индивид **проповедник, образовывали связную систему и что стержнем**
этой системы был первый из перечисленных даров — «персона».
В противоположность высокому богословию — это уже не персо-
на Бога. Это — человеческий индивид, существенными при-
знаками коего являются его социальный статус, служба или
должность, сословная принадлежность, короче то, что в эпоху
Реформации будут называть «мирским призванием» (кстати,
именно тогда и вспомнят проповеди Бертольда Регенбургского).
Для осуществления призвания индивид наделен собственностью,
временем и способностью общаться с другими индивидами. Ины-
ми словами, перечисленные Бертольдом «дары», за которые нуж-
но будет дать отчет Господу, представляют собой *существенные*
неотъемлемые признаки «персоны».
- О персоне средневековья **Мне могут возразить, что так охарактеризованная «персона» далека**
от ренессансной личности. Я всецело с этим согласен, ибо перед
нами не человек Возрождения, но человек, принадлежащий к
иной социально-культурной формации. Но важно то, что он осо-
знает себя в качестве члена общества, предстоящего пред Твор-
цом, коему он должен дать отчет в последний день своего земно-
го существования.
- Я решаюсь утверждать, что в этом уникальном тексте развернуты**
своего рода «социология» и «антропология» средневековья в их
восприятии монахом-проповедником третьей четверти XIII сто-
летия.
- Искусство средневековья даровало нам неповторимые индивидуальности **Ничего подобного мы не найдем в памятниках той эпохи. Но я отва-**
жился бы на следующее сопоставление. Как раз в тот период, ког-
да Бертольд Регенбургский возбуждал своими поучениями мас-
сы верующих, в той же Германии работала артель архитекторов,
строителей и скульпторов, создавших непревзойденные шедевры
церковного зодчества — соборы в Наумбурге, Мейссене и некото-
рых других городах. Скульптурные группы в капелле Наумбурга,
изображающие донаторов — аристократов и городских патрици-
ев, свидетельствуют о той мере проникновения в человеческую
психику, какая была доступна изваявшим эти фигуры мастерам.
Перед нами — изображения неповторимых индивидуальностей.
Это не портреты в прямом смысле слова, поскольку фигуры эти
были изваяны несколько десятилетий спустя после кончины Эк-
кехарда, Уты и других знатных лиц. Главное заключается в том,
что анонимный мастер искал индивидуальность и располагал
средствами для ее изображения.
- В центре внимания — личность **Мне кажется, что между интенциями проповедника Бертольда и на-**
умбургского скульптора есть нечто общее: в центре их внима-
ния — индивид, человеческая личность. Но что любопытно: про-

Процесс развития самосознания личности был прерывистым

рыв к новому пониманию человека, его ценности и достоинства, которые мы наблюдаем в то время, оказался недолговечным, и ничего подобного не удается обнаружить на протяжении последующих десятилетий и столетий.

Процесс самоосознания личности не был однозначно прогрессивным, в нем наблюдаются подъемы, сменяющиеся упадком, но мы вновь убеждаемся в том, что в средневековом обществе таились возможности для развития личности, о которых историки до недавнего времени и не подозревали.

Однако мне хотелось бы подчеркнуть другое обстоятельство. Глубоко ошибочно искать симптомы индивидуального сознания, оставаясь исключительно на уровне «высококолых». Текст, в котором эксплицитно постулируется мысль о человеческой личности, возник не в кельях философов-схоластов и не в ученых диспутах Сорбонны, — этот текст явился плодом усилий проповедника, который обращался к толпам бюргеров и мужиков и говорил с ними, прибегая к системе понятий, доступных их сознанию. Традиционное сосредоточение на одних лишь сочинениях элитарной ученой словесности и снобистское пренебрежение духовной жизнью людей, не приобщенных к философии, изжило себя. Историкам необходимо расширить диапазон своих изысканий и спуститься в те «подвалы» культуры, которые величаво игнорировала *Geistesgeschichte*.

***

Размышления о личности, отягощенной грехами рода людского

Вот, если угодно, иллюстрация к только что высказанной мысли. Среди поэтов и писателей эпохи Предренессанса и начинавшегося Ренессанса высятся такие гиганты, как Данте и Петрарка, и к их личностям и творениям неизменно прикована мысль исследователей. Это столь же естественно, как и пренебрежение фигурой авиньонского клирика Опицина — младшего современника Данте и старшего современника Петрарки. Эта незначительная фигура совершенно теряется в тени гигантов. И о ее существовании до самого недавнего времени не подозревали даже специалисты [3]. И действительно, зачем принимать в расчет этого полубезумного одинокого человека, который в своей келье разрисовывал многочисленные листы бумаги фантастическими картинками и не менее затейливыми географическими картами, сопровождая их отрывочными и подчас загадочными текстами. Изучение оставшихся после него рисунков, неизвестных его современникам, дало между тем любопытные результаты. Изображенный на его фантастических картах мир Средиземноморья, с одной стороны, представляет собой арену действий дьявола, а с другой — интимно сопричастен личности Опицина. Если в искусстве предшествую-

щих столетий человек-микрокосм гармонично вписывался в макрокосм божественного мироздания, то на рисунках этого шизофреника (как его квалифицируют некоторые специалисты) макрокосм — Средиземное море вместе с южной половиной Европы и с Северной Африкой оказывается заключенным в сердце Опицина. Ибо его личность, как он убежден, отягощена всеми грехами рода людского, и один лишь он должен их искупить. Опицин воспринимает себя одновременно и как величайшего грешника, и божьего избранника, которому суждено создать Новое Евангелие, открывающее путь ко спасению.

Соединенность самоуничтожения с самовозвеличением

Предельное самоуничтожение неразрывно слито в сознании этого авиньонского клирика со столь же безудержным самовозвеличением. В рисунках и фантастических географических картах можно высказать такое, от чего, наверное, воздержался бы человек, который хотел бы выразить себя посредством одного лишь письменного текста. Данте и Петрарка едва ли были о себе менее высокого мнения, но *так* раскрыть тайны своей больной души, как это сделал Опицин, никому не пришло бы на ум. Общеизвестно, с какой бережностью и высокой самооценкой Данте описывает свою любовь к Беатриче, послужившую стимулом для его поэзии. Стоит ли напоминать о том, насколько был озабочен Петрарка увековечением памяти о себе в сознании грядущих поколений?

***

Пределы человеческому своеволию

До сих пор наша мысль двигалась в рамках христианского средневековья. Трактую человека как образ и подобие Господа, христианство возвышало его и ставило в ситуацию диалога с Богом. Но вместе с тем оно воздвигало четкие пределы человеческому своеволию. Самый тяжкий из смертных грехов — гордыня, и индивид должен приучать себя к смирению. Писания средневековых авторов наполнены формулами самоуничтожения. Вспомним то, что Григорий Турский писал о своей недостаточной образованности, хотя вместе с тем заклинал будущих переписчиков своих сочинений ни слова не менять в них. Это не значит, что авторы той эпохи были ханжами, многие, несомненно, были искренне проникнуты сознанием своей малости и несовершенства пред лицом Господа. Но так или иначе боязнь быть обвиненным в гордыне была неотъемлемым ингредиентом их сознания. Если в помутившемся уме Опицина самовозвеличение и самоуничтожение были доведены до *pes plus ultra*, то оба эти полюса в той или иной мере присутствовали в сознании многих верующих.

Личность и смерть

Проблема личности в средневековой культуре и религиозности теснейшим образом смыкается с проблемой осознания смерти и перехода в мир иной. Ф. Арьес утверждал, что средневековое созна-

---

ние отодвигало Страшный суд к «концу времен»; только в этот момент будет вынесено окончательное суждение о ценности человека [4]. Согласно этой точке зрения, существование человеческой души расчленилось на два этапа, разделенных один от другого бездной времен. Ф. Арьес полагал, что осознание индивидом целостности собственной биографии могло возникнуть лишь тогда, когда появилось представление о суде над его душой, происходящем в самый момент его смерти, и это осознание, по Арьесу, впервые возникло не ранее XV в. На самом же деле идея «малой эсхатологии» — суда над душой отдельного индивида — присутствовала в средневековом сознании с самого начала этой эпохи. Иными словами, «великая эсхатология» (Страшный суд над родом человеческим) сосуществовала в религиозном сознании бок о бок с эсхатологией малой. Следовательно, приходится признать, что представление о биографии индивида как едином целом вовсе не было чуждым человеческому сознанию за много веков до Ренессанса.

Противоборство духа Коряче говоря, психика средневекового христианина являет нам арену противоборства диаметрально различных тенденций. Это служило источником душевных кризисов, приводивших к поискам успокоения в монастырском затворе, к добровольной бедности, к индивидуальным и массовым паломничествам, в том числе и к участию в крестовых походах. Разве не о глубоком кризисе сознания свидетельствует распространение всякого рода ересей? Одержимый идеей спасения индивид, усомнившийся в том, что это спасение может дать ему официальная церковь, искал выход в ереси. Угроза апокалиптического Конца света создавала общий фон, на котором разыгрывались драмы отчаявшихся грешников. Таковы некоторые из условий, в которых складывалась человеческая личность той эпохи. Не случайно Г. Миш писал о «центробежной» природе средневековой личности в противоположность центростремительной природе личности человека Нового времени [5]. Однако воздержимся от чрезмерно широких обобщений, ибо реальная действительность, естественно, была крайне многопланова и вряд ли безболезненно поддается стилизации.

Приверженца тезиса о рождении человеческого «Я» в эпоху Ренессанса ожидает, как я сейчас постараюсь показать, еще одна неожиданность.

***

Свобода выбора в
христианской этике

Когда обсуждают вопрос о «рождении Я» в недрах европейской культуры, то неизменно имеют в виду культуру христианскую. И не без основания. Как уже было сказано, в русле этой традиции человек — образ и подобие Бога. Христианская этика, налагая за-

преты на человеческие гордыню и своеволие, вместе с тем не лишает индивида свободы выбора. Что же касается тех индивидов и этносов, которые не приобщились к истинной вере либо только вступали на нелегкий путь приобщения к ней, то перед историками в подавляющем большинстве даже и не возникает вопроса о человеческой личности «варвара». Традиционно доминирующий уклон в изучении истоков европейской культуры в сторону античного наследия автоматически отключает внимание исследователей от мира, располагавшегося на периферии христианского универсума.

В центре внимания — индивид — Если же мы попытаемся преодолеть эту традицию, столь же почтенную, как и однобокую, то знакомство с картиной мира германцев и скандинавов, запечатленной в многочисленных и разнообразных памятниках древнесеверной словесности, поставило бы нас лицом к лицу с явлениями, в высшей степени своеобразными.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что в центре внимания скальдической поэзии, исландских саг и иных творений этой культуры, записанных в XII и XIII веках, но воспроизводящих картину мира более раннего периода, неизменно стоит индивид. Скальды — поэты, имена которых по большей части известны, и анонимные авторы саг изображают своих героев в решающие, критические моменты их жизни, когда их доблести обнаруживаются с предельной наглядностью. Поэзия скальдов в изысканно-изоощренной форме, как правило, воспеваает подвиги конунга или другого предводителя. Но любопытно: в песни скальда — не один, а два героя: вождь, славу которого песнь увековечивает, и сам скальд, изустно сочиняющий песнь.

Песнь о герое придает вождю новые силы — Считалось, что песнь не только прославляет вождя, но и магически придает ему новые силы. Скальд не только ожидает награды, но и прямо домогается ее, и нужно признать, что за свои поэтические творения скальды награждались баснословно высокими «авторскими гонорарами» — золотыми гривнами, боевыми мечами, заморскими плащами, а иногда и кораблями и другими богатствами. Восхваляя щедрость конунга, древнескандинавский поэт восхвалял и самого себя как обладателя поэтического дара, возвышавшего его над скальдами — соперниками. Высокое авторское самосознание выражается в его песни в возвеличивании собственного я.

В противоположность скальдической поэзии исландская сага не содержит поэтических суперлативов и рисует сцены из жизни бондов — домохозяев, земледельцев, скотоводов. Как утверждал в свое время М.И. Стеблин-Каменский, центр повествования саги — это распря, вражда между семьями бондов, приводившая к кровавым стычкам и многочисленным убийствам. Я полагаю, это

не совсем так. Ожесточенная распря и кровная месть были предельно драматичными проявлениями отношений между индивидами. Именно в этих схватках, равно как и в судебных тяжбах и попытках умиротворения, раскрывались характеры действующих в саге лиц. Манера изложения, органически присущая саге, предельно сдержанна и анонимный автор никогда прямо не сообщает о чувствах, мыслях и намерениях ее героев. Их чувства и решения становятся ясными из их поступков. Но эта сдержанность в характеристике внутреннего мира персонажа саги, по сути дела, служит демонстрации богатого и нередко противоречивого внутреннего мира человеческих индивидов.

Афоризмы о друзьях
и союзниках

Саги об исландцах нередко называют «родовыми». Это неточно. Прилагательное «семейная» здесь более подходит, ибо саги повествуют не о каких-то родах или кланах, но об отдельных семьях, и прежде всего их главах — свободных, полноправных и самостоятельных людях. Утверждение о том, что у скандинавов эпохи викингов господствовал родовой или первобытнообщинный строй, не имеет под собой достаточных оснований. Скандинавы в раннее средневековье селились и хозяйствовали на индивидуальных хуторах, которые не объединялись в какие-то общины; обособленный двор — такова основная ячейка социальной и хозяйственной жизни этих народов. Когда бонд нуждался в помощи в разгар распри с другим бондом, он обращался за поддержкой, прежде всего, к друзьям, а наилучшим средством приобретения друга был подарок. В одной из самых известных песней цикла «Старшей Эдды», «Речах Высокого», содержащей афоризмы житейской мудрости, неустанно подчеркивается, как важно приобрести друзей и союзников для того, чтобы «в минуту жизни трудную» индивид не остался в одиночестве. Дружба здесь — союз, основанный не столько на эмоциональном влечении, сколько на практическом, холодном расчете.

Притязание на
признание

Основа системы ценностей этих людей — чувство собственного достоинства, добрая слава, оценка индивида обществом, т.е. теми индивидами, с которыми он связан узами дружбы, побратимства, свойства и родства. «Гибнут стада, умирает родня, и сам ты смертен, но то, что навеки пребудет, это суждение людей» [6], гласила эддическая песнь. Человек оценивает себя, исходя из мнения окружающих, он смотрит на свое Я глазами других, но эта «внешняя» точка зрения есть вместе с тем и внутреннее самоощущение индивида. Добрая слава — источник чувства достоинства и чести свободного человека. Как мы видели, он озабочен и поддержанием собственной репутации в глазах окружающих, и славой, которая должна сохраниться о нем в памяти последующих поколений. Один из персонажей саги отказывается совершить недобрые деяния, так как опасается испортить свою будущую сагу.

Лейтмотив и скальдической поэзии, и «семейных саг» — высокое достоинство индивида, опирающегося, в первую очередь, на собственные силы и на поддержку друзей. В ранних записях исландского права зафиксированы размеры виры, которую надлежало платить в случае убийства свободного человека. Как явствует из саг, размеры возмещений за смерть или увечья на самом деле варьировались: решающими факторами, которые определяли величину компенсации, были личные достоинства потерпевшего, уважение и авторитет, коими он обладал в глазах окружающих, равно как и память о его предках.

Защита чести
и достоинства

То, что древние скандинавы в высшей степени чутко и даже болезненно реагировали на посягательства на их честь и достоинство, само по себе едва ли являлось их исключительной особенностью. Таковой, однако, было следующее. В древнесеверной поэзии и саге с необычной для той эпохи суггестивностью утверждается «Я» свободного человека.

Архаический
индивидуализм

Принято считать, что индивидуализм обычно произрастает на почве развитой городской культуры, в плотной социальной среде, близко знакомой с ремеслом, торговлей и денежным делом; этот индивидуализм укрепляется в той мере, в какой основные человеческие ценности начинают перемещаться «с небес на землю» (Ле Гофф); индивидуализм этот утверждается в обществе с развитой и длительной письменной традицией. Таков ренессансный индивидуализм. Но в Исландии, отрезанной океаном от цивилизованной Европы, стране хуторян, пастухов, земледельцев и рыбаков до конца XVIII — начала XIX в. не было городов, монархических или княжеских центров, да и самая письменность появилась одно-два столетия спустя после принятия христианства. Естественно, здесь не было никаких условий для возникновения ренессансного индивидуализма. Но воля к утверждению и отстаиванию достоинства свободолюбивого индивида пронизывала как поступки этих «самостоятельных людей» (Халлдор Лакснес), так и произведения поэзии и прозы, вырвавшиеся из фольклорного плена и вошедшие в золотой фонд мировой литературы. В отличие от ренессансного индивидуализма условно назовем этот северный индивидуализм архаическим. Но игнорировать его недопустимо, ибо он являет нам еще одну возможность утверждения человеческого «Я» в культуре.

***

Вернее говорить о
разных типах челове-
ческого «Я»

Подведем итоги. Историки, отрицающие самую возможность существования человеческой личности в эпоху, предшествующую Возрождению, склонны принимать тот тип индивидуальности, который тогда сложился, в качестве универсально применимого эталона. На мой взгляд, вернее и осторожнее говорить о разных

типах человеческого «Я» [7] в разные эпохи и в недрах разных культур. Кроме того, в человеческой личности видят индивида, пребывающего «наедине с собой»; признаюсь, этот подход ставит меня в тупик. Данте, Петрарка, Боккаччо, Монтень или Руссо оставались наедине с самими собой столь же мало, как Августин, Гвибер Ножанский или Абеляр. Не говоря уже о том, что все они обращались со своими исповедями и посланиями к современникам и будущим поколениям. Авторы средневековой эпохи осознавали себя собеседниками Творца. Но не устроена ли наша психика таким образом, что мы ведем постоянный диалог с самими собой, ибо в нас звучат разные голоса, что человеческая личность вовсе не чужда противоречивости и раздвоенности? Однако это особая тема, на которой я не в состоянии здесь останавливаться.

Индивид никогда не остается наедине с самим собой, поскольку он всегда принадлежит к некоему коллективу, к малым и большим группам и способен обособляться именно в недрах этих групп. Индивид «наедине с собой» — это даже не робинзолада, ведь мистеру Крузо зачем-то понадобился Пятница. Изучение проблемы человеческого «Я» недопустимо отрывать от изучения социальных ячеек, в которые индивид был включен и в недрах коих он усваивал язык культуры. И это в свою очередь сюжет, заслуживающий специального исследования.

-
1. Individuum und Individualität im Mittelalter / Hrsg. J.A.Aertsen, A.Speer. Berlin, N.Y., 1996.
  2. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 178.
  3. Гуревич А.Я. «В этом безумии есть метод»: К проблеме «индивид» в средние века // Мировое древо = Arbor Mundi, 1994. Вып. 3. С. 80—97.
  4. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
  5. Misch G. Geschichte der Autobiographie. Dritter Band, 2 Teil, Erste Hälfte. Frankfurt/M., 1959. S. 365.
  6. Старшая Эдда / Пер. А.И. Корсуна. М.; Л., 1963. С. 22.
  7. Баткин Л.М. Европейский индивид наедине с собой. М., 2000.